

Л.Р. КЫЗЛАСОВ

СИБИРСКОЕ МАНИХЕЙСТВО И ЕГО РОЛЬ
В КУЛЬТУРНОМ РАЗВИТИИ НАРОДОВ
СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Как стало известно ныне, “ветры”, с ранних времен приносившие плодотворные культурные импульсы и идеи в Южную Сибирь, были юго-западными или западными, но они всегда пролетали над Срединной Азией. Сибирь к раннему средневековью все больше становилась естественным культурным продолжением степей Средней Азии. Вот и Мани — создатель манихейской религии и первый пророк ее, родившийся в 216 г. н. э. в далеком Двуречье, произносил свои пламенные проповеди, бродя по разным странам от Вавилона, Ирана и Средней Азии до Индии, а достигли они Китая, Центральной Азии и юга Сибири.

Мани считал, что и зороастризм, и христианство, и буддизм — по происхождению одна и та же “правильная” вера, искаженная человеческим непониманием, и он послан восстановить ее. Называя себя “посланником бога Истины”, он был трудолюбивым ученым и писателем. Согласно традиции, Мани изложил канон своего учения в семи книгах, сам изобрел манихейскую письменность на арамейской основе, прославился как одаренный художник, выработавший особый стиль миниатюр для украшения рукописей священных манихейских книг, а также оставил образцы церковной фресковой живописи. Со времени возникновения в манихействе большую роль играли астральные культуры, и “люди в белых одеждах” (как обычно называли манихеев по цвету их головных уборов и одеяний) скоро стали астрологами-звездопоклонниками и астрономами. Итак, книжность и образованность лежали у истоков манихейского учения.

В своем раннем труде “Шапуракан” (“Книга Шапура”, 243 г.) Мани пророчески писал: “Вера моя ясной бывает в каждой стране и на любом языке и распространяется в далекие страны”. Так и вышло. К XI—XII вв. проповедники его вероучения действовали на просторах всего Евроазиатского материка от Атлантического океана до Тихого¹. Хорезмийский ученый Абурайхан Бируни, отмечая, что в его время (в

первой половине XI в.) община последователей Мани существовала в мусульманском Самарканде, сообщал: “Что же касается внemусульманского мира, то веру Мани и его учение исповедуют большинство восточных тюрков, обитатели Китая, Тибета и части Индии”². На западе после VIII в. манихейские сообщества оставались в Северной Африке, Испании, Франции и на Балканском полуострове. В XI—XII вв. это были так называемые секты богомилов, действующие среди христиан в Болгарии и катаров-альбигойцев во Франции. До XV—XVI вв. в Западной Европе манихеев клеймили именем “еретиков-демономанов”, занимавшихся якобы демонологией.

На востоке манихейство от поздних уйголов (не без участия древних хакасов) передалось киданям, после того как их первый император Абаоцзи в 924 г. вторгся с войском на запад, захватив бывшие уйгурские степи вплоть до г. Ордубалыка. В 1128 г. мусульманский Кашгар и Семиречье испытали нашествие киданей, вышедших с Орхона (Бэй Ляо). Арабский историк Ибн аль-Асир (1160—1233) писал о возглавлявшем киданьское войско Гурхане: “Он был манихеем”. Впоследствии сильное воздействие манихейства фиксируется в верованиях монголов в эпоху Чингисхана. В XIII—XIV вв. манихейские общины активно действовали в Восточном Туркестане и в Китае. А в Южном Китае манихейская церковь просуществовала до XVI в.³

Более поздние остатки угасающего манихейства сохранились до сегодняшнего дня у саяно-алтайских тюрков (алтайцев, хакасов, тувинцев, тофов и др.), а также у обитающих на Оби и Енисее хантов, селькупов, кетов и эвенков. Они ясно выражены в шаманизме, бурханизме и в бытовых верованиях аборигенных народов, лексическом составе их языков. Алтайские бурханисты прямо указывали на “людей в белых одеждах”, приезжавших на Алтай и учивших народ верить в единого бога. Манихейскими по своему существу являются хакасские нагорные общественные моления небу, происходившие без участия шаманов, моления в гротах,очные бдения в пещерах. То же установлено для народных верований и сакральной лексики кетов Енисея и Подкаменной Тунгуски⁴.

Проникновение манихейства в Сибирь до сих пор не изучалось, поэтому не существовало ясного представления о северном ответвлении манихейства и его истории. Настоящая статья является первым опытом исследования этой важнейшей темы, без рассмотрения которой нельзя представить себе истинную духовную культуру народностей, обитавших в Сибири в средние века.

После гибели Второго Восточнотюркского каганата на высоких плоскогорьях Центральной Азии возникло новое сильное государство тюркоязычных племен и народностей — Уйгурский каганат (745—840)⁵, объявивший себя наследником Восточнотюркского каганата. В государстве уйголов в середине VIII в. произошел неожиданный взлет культурного развития, придавший мощное ускорение

культурной жизни соседних народов Южной Сибири и Центральной Азии: азов, чиков, тюрков, древних хакасов, кимаков, карлуков, курыкан и др.

Прежде всего, правителям Уйгурин удалось впервые перевести в оседлое состояние часть скотоводческого населения страны. Это сопровождалось невиданным до того размахом строительства городов, замков, стационарных поселений, храмов и монастырей. Особое развитие получила государственная сеть почтовых трактов со станциями, обеспечивавшими содержание и замену перекладных лошадей для проезжих посланников, гонцов и купцов⁶. Привлекая к работе свободных согдийских поселенцев и военнопленных китайских мастеров, Элетмиш Бильге-каган (Моюн-чур, 747—759) — этот поистине великий каган-строитель — в 750—757 гг. в четырех регионах страны возводил крепости, длинные стены, дворцы: еще в 750 г. в завоеванной им земле чиков он приказал "...устроить свой беловатый лагерь и дворец с престолом... заставил построить крепостные стены"; в Этюкенской черни "...велел устроить свой дворец, там... велел построить стены"; в центре государства "...у соединения Орхона и Балыклыка велел строить и воздвигнуть государственный дворец и государственный дом". Именно он начал строить столицу государства — Ордубалык. Затем он же "...согдам и табгачам дал приказ на берегу Селенги построить город Байбалык"⁷, т.е. "Священный город". Судя по типичному плану, тогда же уйгурами на землях покоренных северных карлуков была построена самая западная прямоугольная крепость в верховье Иртыша, выше оз. Зайсан⁸. Впоследствии уйгуры отстроили на Орхоне и Селенге центральные города: столичный Ордубалык, храмовый Марубалык, резиденцию жен каганов Хатунбалык, а также торговый "Уйгурский город" в Дунбее и др.⁹

В 750—751 гг., укрепляя северо-западные границы государства, войска уйгурского кагана завоевали тюркоязычных чиков, обитавших в Тувинской котловине. По приказу Элетмиш Бильге-кагана в долинах Хемчика и Улуг-Хема впервые в истории Срединной Азии возводится стратегически продуманная мощная оборонительная система, состоявшая из уникальной Долгой глинобитной стены (длиною свыше 230 км), в которую входили 17 квадратных и прямоугольных крепостей с толстыми глинобитными стенами, а также вынесенные вперед бастионы. Эта внушительная защитная линия прикрывала Уйгурский каганат с севера от внезапных прорывов древне-хакасских войск.

Планы уйгурских крепостей (площадью от 0,6 до 18 га) схожи со среднеазиатскими тортулями. Археологические исследования доказали, что общее руководство и все основные работы по сооружению столь ответственных объектов в Туве выполнялись согдийскими архитекторами и строителями. Эти выдающиеся мастера своего дела широко применяли здесь ценный опыт среднеазиатского зодчества.

ва¹⁰. В связи с нашей темой подчеркнем, что согдийцы, во множестве проживавшие в то время в Уйгурском каганате, в основном исповедовали манихейскую религию. Среди них было немало миссионеров-вероучителей.

Размах строительства городов, крепостей и селений в центральноазиатском государстве уйголов в VIII в. отмечали еще арабские географы. Например, Тамим ибн Бахр ал-Мутавваи, побывавший в Ордубалыке на р. Орхон, писал, что он ехал "...двадцать дней среди сплошных деревень и многочисленных построек. Большая часть населения там — огнепоклонники, придерживающиеся вероучения магов. Среди них есть и зиндики, следующие учению Мани. После этих дней он прибыл в город царя... это огромный, укрепленный город, вокруг которого населенные сельские волости и сплошные деревни. У этого города двенадцать железных ворот, огромных по величине. [Это город] с многочисленным населением, толчей, рынками, торговлей. Большинство его жителей следуют вероучению зиндиков", т.е. манихеев¹¹.

Слух об отстроенной в Туве Долгой стене достиг, благодаря арабским купцам, ушей самого халифа ал-Васика, жившего в 842—847 гг. в Ираке. По приказу повелителя правоверных специальная экспедиция во главе с Салламом-ат-Тарджуманом — переводчиком с "тридцати языков" — отправилась к "этой стене", которую халиф считал упомянутой в Коране преградой, якобы сооруженной Зу-л-Карнайном (Александром Македонским). Оба путешествия совершены в конце VIII — начале IX в. Причем Саллам, описавший уйгурские крепости и стену, побывал на территории Тувы в 846 г. (т.е. уже после присоединения бассейна Верхнего Енисея к Древнехакасскому государству). Он сообщил, что "в этих крепостях живет народ, говорящий по-арабски и по-персидски"¹². В ту эпоху это, несомненно, были согдийцы.

Вернемся, однако, к началу 758 г. Тогда в Туве все тот же Элетмиш Бильге-каган подготовил и осуществил по замерзшему льду Енисея дерзкое вторжение на север — в Древнехакасское государство. Внезапность способствовала удаче уйгурской кампании. Древнехакасскому правительству не удалось откупиться обычной данью. Ему пришлось признать свою вассальную зависимость и принять от Элетмиш Бильге-кагана особый, принижающий его достоинство титул: Бильге-(Тун)-иркин¹³.

И хотя Элетмиш Бильге-каган умер в 759 г., вся вторая половина VIII в. прошла для древних хакасов под знаком уйгурского административного и, главное, культурного воздействия. Это было закреплено по уйгурскому военному установлению присутствием к северу от Саян какого-то контингента войск, на что, вероятно, указывают отмеченные в XVIII в. П.С. Палласом остатки прямоугольной глинобитной крепости уйгурского образца на правом берегу,

вблизи выхода Енисея из гор, при устье р. Сус (на месте современного пос. Шушенское). Характерно, что ранее, в 750—751 гг., как уже говорилось, подобные же крепости были сооружены уйгурами в верховьях Иртыша, в земле побежденных карлуков и в верховьях р. Хемчик, где она вытекает из ущелья на землю тувинских чиков.

Как видим, поход 758 г. положил начало свободному передвижению через Туву в Хакасию согдийских строителей и миссионеров-манихеев, путешественников и купцов как среднеазиатских, так и восточнотуркестанских, иранских и арабских. Постепенно бассейн Среднего Енисея стал самым северным районом земного шара, куда проникло манихейское вероучение. Еще недавно никто из исследователей не смог бы даже предположить, что манихеи сочли за благо создать в Хакасии в VIII в. два храмовых центра с монастырями и городской застройкой¹⁴.

Едва ли, однако, древнехакасские правители приняли манихейство раньше уйголов. Уйгурский Эльтутмыш-каган (он же Бёю-каган, 759—779 гг.) провозгласил манихейское учение государственной религией, возвратившись из китайского похода на Ордубалык на р. Орхон в 763 г. Сам же каган принял манихейство еще в 762 г., находясь в китайском городе Лояне¹⁵. Однако спустя 16 лет после утверждения новой веры, в 779 г., в Ордубалыке произошел антиманихейский переворот. Бёю-каган, его сыновья и некоторые согдийские манихеи были убиты. Но многие приверженцы религии Мани, как теперь можно предположить, успели убежать на Енисей. Еще через 16 лет, в 795 г., новая каганская династия во главе с Алл Кутлугом (795—805) восстановила в Ордубалыке манихейскую веру.

Вкупе с приведенными фактами пребывания уйголов на Среднем Енисее в 50—60-е годы VIII в. наука сегодня располагает новыми данными, позволяющими считать, что строительство храмовых городов означало объявление манихейства государственной религией самого Древнехакасского государства. Это произошло одновременно с возвращением хакасами полного суверенитета своей страны, скорее всего в эпоху высшего подъема и расцвета Уйгурского государства при манихее-правителе Бёю-кагане, т.е. еще в период 763—779 гг. Потому-то, видимо, впоследствии Кутлуг Бильге-каган (790—795), сын низвергателя манихейства, объявил древним хакасам новую войну¹⁶, которая не принесла ему никакого успеха¹⁷.

Древнехакасское государство, освободившись от политического и экономического гнета уйголов, быстро набрало такую силу, что смогло начать двадцатилетнюю освободительную войну (820—840). Война эта закончилась ликвидацией Уйгурского государства в Центральной Азии и созданием Древнехакасского каганата (840—1293), ядро которого составили саяно-алтайские тюрки, выступившие под эгидой древнехакасской царствующей династии из рода Хыргыс.

Недаром глава обновленного государства был назван Хырхыз-хаканом в анонимном сочинении на персидском языке, написанном в 982—983 гг. В этом труде, именуемом “Худуд ал-’алам” (“О пределах мира”), сказано, что Хырхыз-хакан живет в городе Кемиджкет, т.е. в “Енисейском городе” (*Кем* — тюркское название Енисея, *кет* — по-персидски “город”)¹⁸. Персидское название города подтверждает приведенное выше сообщение Саллама о том, что в 846 г. в Туве жил “народ, говорящий по-арабски и по-персидски”.

Древнекакасский каган — победитель уйгуров в сражениях 840 г. — носил гордое имя *Алл Урунгу* — “Доблестный герой”. По свидетельству китайских хроник того времени, хакасы называли своего государя “ажо” (ажэ)¹⁹. Титул “ажо” существовал только в Древнекакасском государстве и неизвестен у других народов.

Мало кто знал, что в VIII—XIII вв. в Сибири существовал крупный очаг северного ответвления манихейского вероучения. Центром его стала Хакасско-Минусинская котловина, а затем степи и горы всего Саяно-Алтайского нагорья. Древнекакасский каганат, занимая огромные земли и проводя собственную политику, рассыпал своих миссионеров в соседние страны, в результате чего догмы этой мировой религии и ее книжность распространялись к северу — вниз по долинам Иртыша, Оби и Енисея — к разнозычным аборигенам Западной и Восточной Сибири, а к юго-западу — в бассейн Среднего Иртыша, где у дружественных кимаков также появились адепты-манихеи, храмы и енисейская письменность²⁰.

Земля сибирская сохранила то, что трудно было предугадать. Раскопки археологов в Хакасии выявили два важнейших городских храмово-монастырских центра: один в степи, другой в горах Батенёвского кряжа. Степной город был столичным и располагался в дельте р. Уйбат, левого притока Абакана (рис. 1). На протяжении пяти веков в этом духовном центре действовало не менее одиннадцати манихейских храмов. Большинство из них представляли собой монументальные архитектурные сооружения со стенами из сырцового кирпича, но использовались также и деревянные конструкции и пахсовые блоки (рис. 2).

Три храма постепенно сменили друг друга. В разное время к ним были пристроены еще два небольших сырцовых храма и четыре облегченных деревянных святилища, посвященных божествам стихий: Огня, Воды и Воздуха. Наконец, самый поздний храм был воздвигнут как отдельное прямоугольное здание в XI в.²¹ Просуществовал он, по археологическим данным, по-видимому, до монгольского завоевания Хакасии в 1293 г., а возможно и дольше. В это же время действовало и пристроенное к нему снаружи второе деревянное святилище огня.

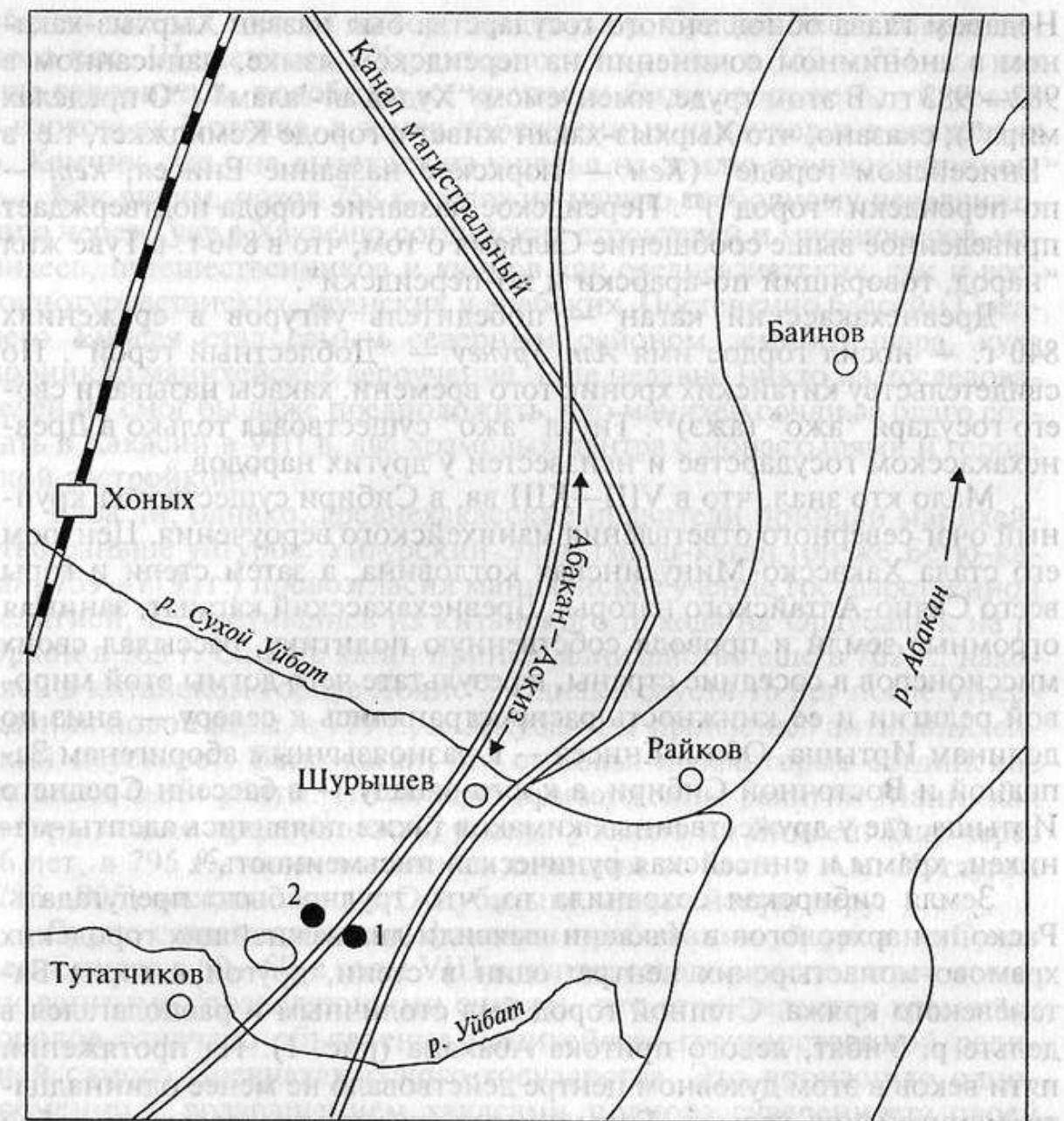

Рис. 1. Схема расположения бугров манихейских храмов тунгусом в дельте р. Уйбат.

Без учета той части идеологического наследия, которое манихеи получили от астрологов-звездопоклонников, именуемых арабами-сабейцами (иноверцами), нельзя понять назначения раскопанных в Хакасии храмов и святилищ. Выделим две особенности этого наследия: почитание семи великих небесных светил и символичность внешней архитектурно-планировочной формы храмов.

Китайский источник VIII в. разъясняет: “Семь светил — это солнце, луна и пять планет, которые предводительствуют людьми. Ежедневно они сменяются. В конце семи дней [цикл их] начинает-

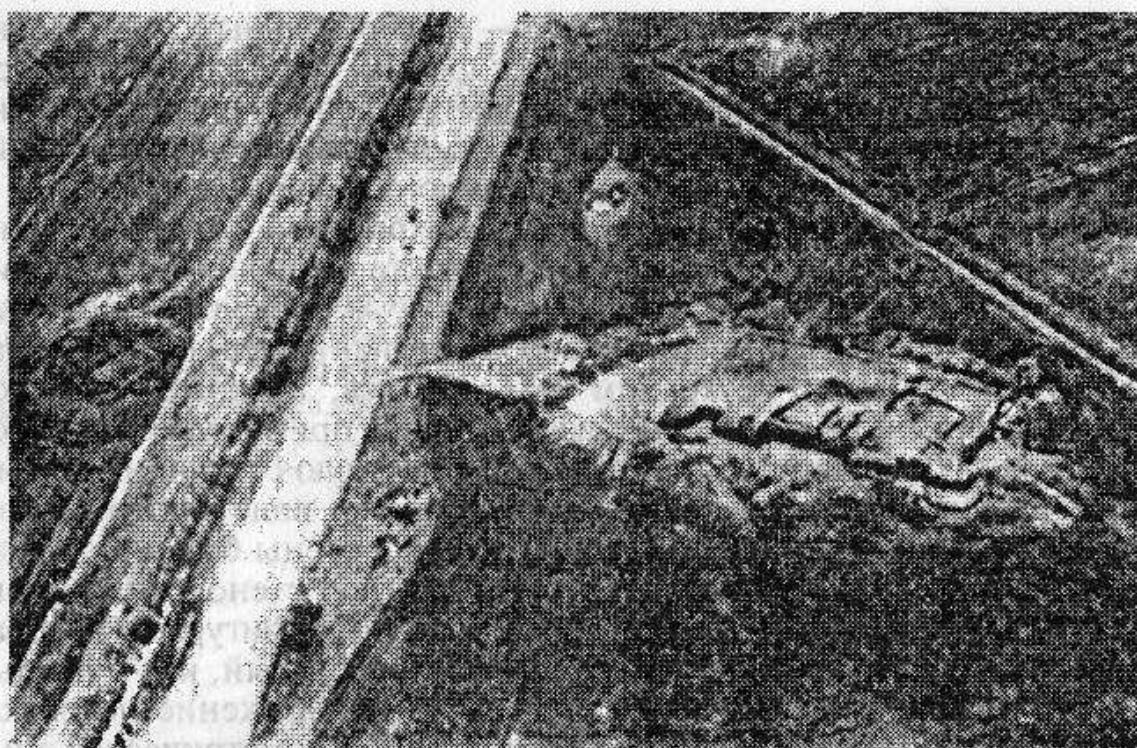

Рис. 2. Уйбатский город. Вид раскопок с воздуха, с северо-востока. Справа от шоссе — монастырь, слева — храм Марса.

ся снова. Их названия следует помнить, потому что каждое светило имеет на то или иное предприятие влияние, благоприятное или неблагоприятное". Далее в источнике сделано характерное добавление: "В случае запамятования... вам достаточно спросить об этом согдийцев, персов или людей пяти Индий, которые хорошо их знают"²². И действительно, в Согда, в руинах замка на горе Муг, найден согдийский календарь VIII в., выявивший, что названия дней семидневной недели были все посвящены авестийским божествам, именами которых согдийцы позднее называли планеты. В переводе А.А. Фреймана это: "Михш заман — день Митры (Солнца) — воскресенье; Max заман — день Луны — понедельник; Варажан заман — день Марса — вторник; Тир заман — день Меркурия — среда; Ормазд заман — день Юпитера — четверг; Анахид заман — день Венеры — пятница; Кайван заман — день Сатурна — суббота"²³.

Сабейцы канонизировали планировку храмов, связав каждое божество с определенной геометрической фигурой. Прежде всего, у них, как и у индийцев, "квадрат символизировал небесный мир, которому присущи вечный порядок (гармония) и устойчивость. Земному миру присущи движение и развитие — его символом становится круг". Вот что сообщал, например, ал-Масуди, который получил в 943 г. сведения из первых уст и многому был очевидцем: "А к храмам сабейцев относятся храм Миропорядка, храм Необходимости и храм Души, — это здания, круглые по форме. Храм Сатурна — шестиугольный, храм

Юпитера — треугольный, храм Марса — прямоугольный, храм Солнца — квадратный, храм Венеры [имеет форму] треугольника внутри квадрата. Храм Меркурия имеет треугольную форму внутри удлиненного прямоугольника, храм Луны — восьмиугольной формы. Сабейцы в этом видят символы и тайну, которую они скрывают”²⁴.

Дополняя эти данные описаниями Шахристани (ум. 1116) и Димешки (XIV в.), мы можем понять сложность символики сабейских храмов, далеко выходящей, как выясняется, за пределы астральных культов. Вот что последний автор сообщает, например, о разнообразии круглых храмов: “К храмам тех сабейцев, которые признают цепь от причин к первопричине всех причин, принадлежат следующие — храм Первопричины, образующий круглую стену и имеющий форму полушария, установленный на земле в виде шатра... храм Первого Разума, также состоящий из круглой стены без окон, далее храм Миропорядка (Гармонии), также с круглой стеной и без окон, далее храм Необходимости, в котором находятся фигуры и изображения девяти сфер. И наконец, храм Души — круглый, как и предыдущие, в котором находится скульптурное изображение человека, имеющего много различных голов, рук и ног”. Геометрическая символика дополнялась, как выясняется, и цветовой, выражавшейся в окраске храмов. Следует заметить, что круглые планировочные формы были связаны с почитанием олицетворенных абстрактно-философских понятий, а все формы многоугольников, очевидно, увязывались с божествами планет²⁵.

Не случайно Абурайхан Бируни сабейцами называл именно среднеазиатских манихеев, которые в его время все еще сохраняли общину верующих в Самарканде (эта община, по ан-Недиму, в конце X в. насчитывала 500 чел.)²⁶. Опыт наших раскопок в Уйбатском городе свидетельствует, что искушенные манихейские зодчие канонизировали геометрические формы архитектурного построения храмов, которые получили в наследство от своих предшественников астрологов-звездопоклонников. Каждый из изученных в Хакасии храмов посвящался лишь одному божеству или одному из семи великих небесных светил или понятий.

Самым ранним сооружением (быть может, относящимся ко времени уйгурского завоевания в 758—759 гг.) в городе на р. Уйбат явились квадратная “крепость” 30 × 30 м (типа торткуль), совершенно схожая с крепостями, сооруженными согдийцами в Туве (рис. 3).

Аккуратнейшая кладка из тщательно сформованных желтоглиняных сырцовых кирпичей свидетельствует о работе опытных мастеров-строителей. Стены, достигающие в высоту 4 м, как и должно, плавно расширялись книзу²⁷. В восточной стене сохранилась узкая сводчатая калитка, заложенная пахсой при более поздней перестройке. Посредине открытого к небу двора (22 × 22 м) найдены остатки круглого в плане строения типа вихары. Стены ее из тонких, гибких

Рис. 3. План храма Первопричины (758–759 гг.): внутри — вихара с куполом, снаружи — скругленная платформа храма Огня.

прутьев, воткнутых вплотную друг к другу, поднимались, создавая вверху купол (ср. с рис. 4). Снаружи и изнутри вся постройка была оштукатурена глиняным раствором, а круглый пол выстлан деревом. Раскопки подтвердили правильность описания Димешки храма Первопричины, который действительно был “установлен на земле в виде шатра”. Вряд ли это случайно, ведь по сабейской космологической концепции, Первопричина дает движение всему Космосу.

В середине 60-х годов VIII в. храм Первопричины был перестроен. На этот раз было использовано все пространство между “крепостными” квадратными стенами. Его занял большой Колонный зал (22×22 м), плоскую кровлю которого поддерживали 169 мощных деревянных колонн, опиравшихся на каменные базы (рис. 5). Исходя из характеристик типовых планов храмов манихеев, представленных в трактатах ал-Масуди и Димешки, этот храм был посвящен богу Солнца (Кюн-тенгри). Вскоре с южной стороны храма Солнца зодчие пристроили второй квадрат из сырцовых стен, соединенный с храмом широким проходом. Это был монастырь, очевидно, разделенный деревянными перегородками на ряд помещений. В восточной стене монастырской половины оставлены были ворота, в которые могла бы проехать двухколесная кибитка.

В результате к концу VIII в. завершилось создание прямоугольного храмового комплекса общей площадью 60×30 м, вытянутого с северо-запада на юго-восток. И сразу же к южному и северному углам прямоугольного здания были пристроены одинаковые высокие башнеобразные восьмигранные сооружения с уплощенным верхом (см. рис. 5, рис. 6). За счет выступов башен размеры всего комплекса

Рис. 4. Изображение вихары (столбики, планки, тростниковые циновки) на китайском лаковом блюде. Хранится с 756 г. в сокровищнице Шосоин, Нара, Япония.

увеличились до 72×37 м. Тогда же старый вход в Колонный зал храма Солнца был заложен, а новый устроен близ южной стороны северного восьмигранника (см. рис. 6).

По ал-Масуди, сооружения восьмиугольной формы у сабейцев являлись храмами Луны. Если это так, то в Уйбатском городе одновременно функционировали не только центральный храм Солнца, но и два святилища богини Луны (Ай-тengri). Солнце и Луна, согласно представлениям манихеев, образовались из светлых стихий Огня и Воды. Они-то и есть основные Корабли Света. Манихеи днем молились Солнцу, а ночью Луне. Не случайно посредине северного углового лунного святилища вскоре был заложен квадратный колодец (2×2 м) со стенками, укрепленными по углам жердями и столбами. При расчистке колодец, свидетельствующий о почитании водной стихии, быстро наполнился водой. К северо-западной стене храма Солнца снаружи была пристроена невысокая узкая глинобитная, сильно прокаленная платформа с овальным

концом. Такие платформы в Средней Азии остаются от деревянных святилищ Огня (см. рис. 3)²⁸.

По мере обветшания монастырского комплекса со временем пришли в негодность и конструкции храма Солнца. Колонный зал был засыпан галькой и песком и около середины IX в. над ним, во втором ярусе, был сооружен новый квадратный храм (20,0 x 20,6 м), не имевший кровли, со входом с юга. В зале этого храма находилась круглая кирпичная "эстрада" (высотой 0,75 м и диаметром 8,8 м). С севера на это круглое возвышение вели три ступеньки подобно трехступенчатым алтарям огня в Иране при Ахеменидах. Посредине "эстрады" располагался квадратный алебастровый "алтарь" с низким бортиком, ориентированный углами по сторонам света. Во время службы в ночное время на нем можно было устанавливать светильник-жертвенник или астрономические приборы. Раскрытость святи-

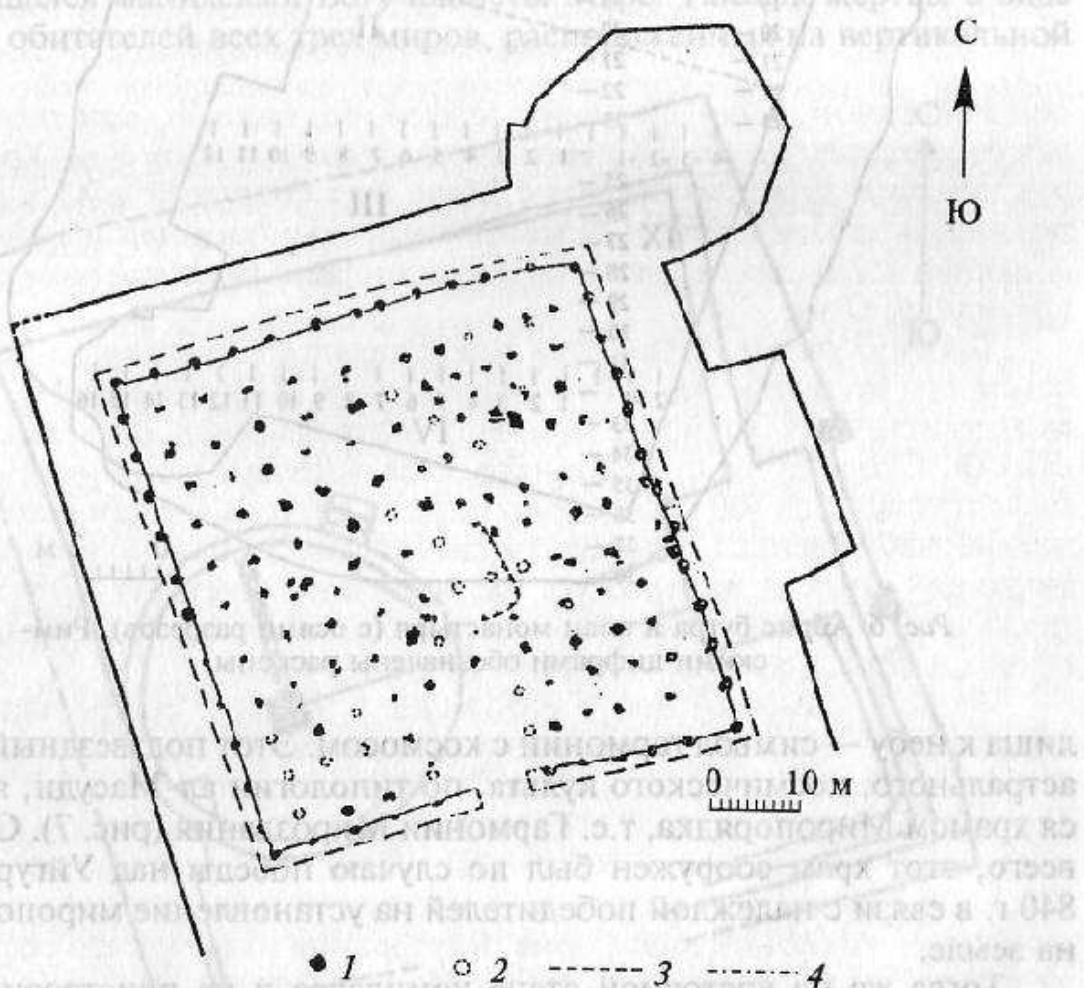

Рис. 5. Колонный зал в храме Солнца, пристроенный храм Луны (с севера) и храм Воздуха (с востока). Деталь плана монастыря (765—775 гг.).

1 — каменные базы; 2 — месторасположение бывших баз; 3 — предполагаемая граница стены; 4 — заделенный вход.

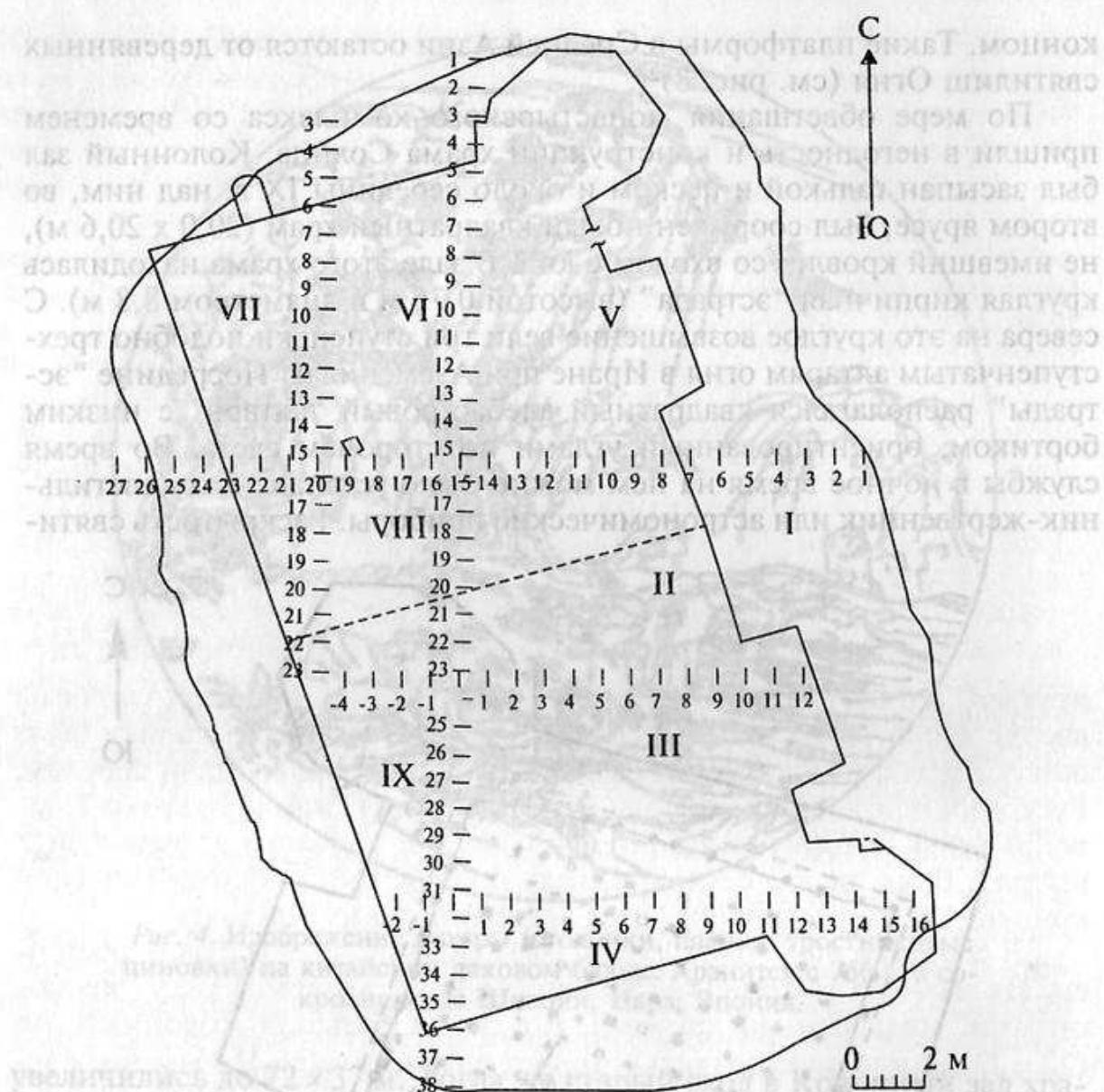

Рис. 6. Абрис бугра и план монастыря (с осями разрезов). Римскими цифрами обозначены раскопы.

лица к небу — символ гармонии с космосом. Этот подзвездный храм астрального, космического культа, по типологии ал-Масуди, являлся храмом Миропорядка, т.е. Гармонии Мироздания (рис. 7). Скорее всего, этот храм сооружен был по случаю победы над Уйгуриской в 840 г. в связи с надеждой победителей на установление миропорядка на земле.

Тогда же на восточной стене комплекса и на пристроенных к ней трапециевидных платформах симметрично разместились два храма Воздуха. Каждый из них был открытым и не имел стен. Деревянные крыши поддерживались четырьмя толстыми колоннами, опиравшимися на каменные базы. Полы также были деревянными.

Эти святилища установлены в знак свободы верующих под Небом для прославления Господа (см. рис. 6).

Наконец, был исследован самый поздний храм манихейского Уйбатского города — отдельное прямоугольное здание (20×16 м) без окон, со входом с восточной стороны. Внутри него располагался десятиколонный зал площадью в $228,5$ м². Колонны, стоявшие на каменных базах, образовывали в западной части зала квадратное пространство, каждая сторона которого равнялась 7,5 м. Колонны поддерживали вышку со святым люком. Потолок был оштукатурен алебастром. С восточной стороны на полу лежала плита — подставка под светильник (рис. 8)²⁹. У южной стены зала нами была расчищена жертвенная яма (глубиной в 0,9 м) с костями крупной рыбы, птицы и мелкого рогатого скота — остатки обитателей воды, воздуха и поверхности земли. По типологии ал-Масуди, прямоугольный храм посвящался манихеями Богу планеты Марс. Так как жертвы в виде плоти обитателей всех трех миров, расположенных на вертикальной

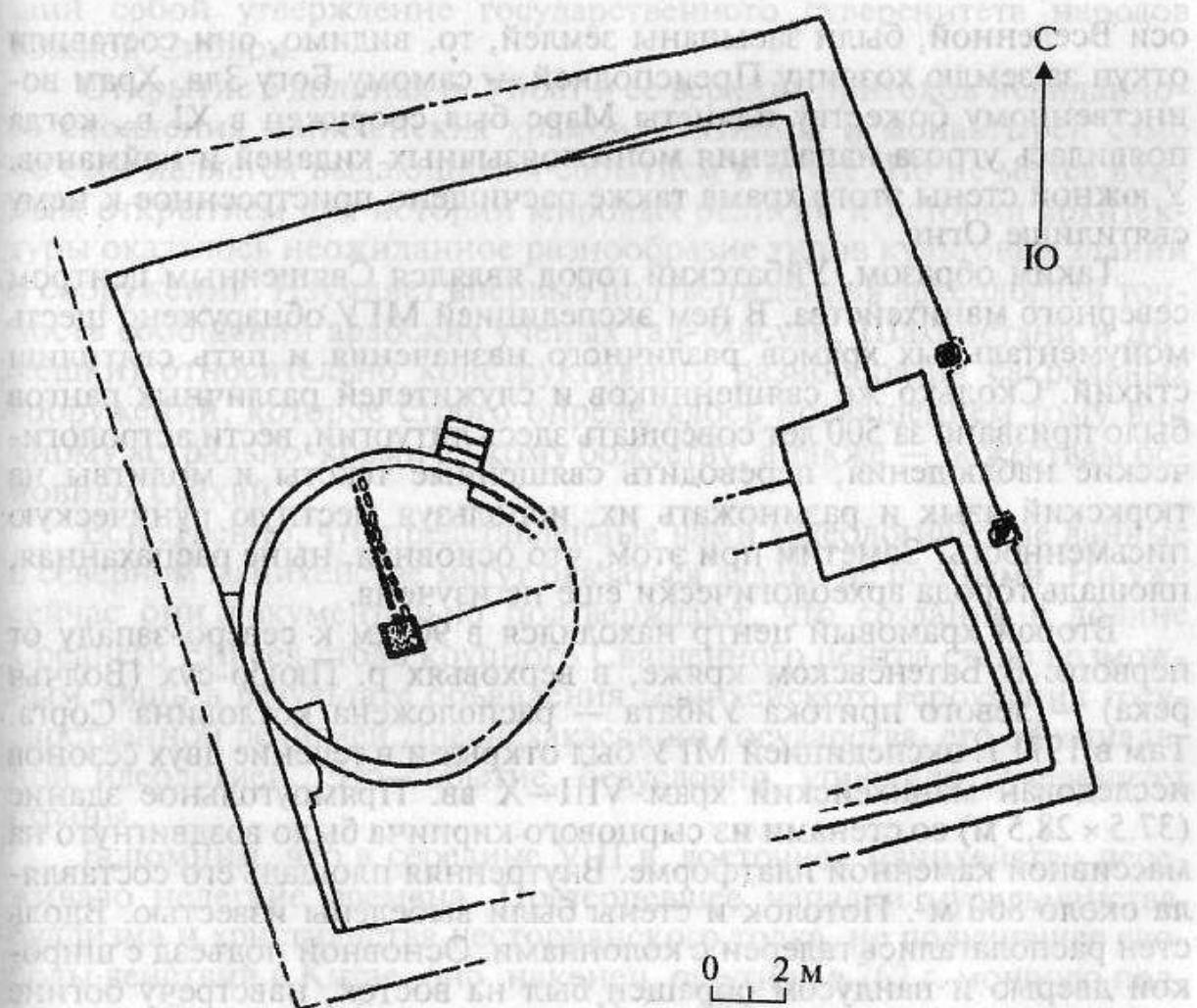

Рис. 7. План храма Миропорядка (840—841 гг.). Источник: А. А. Баранов, «Манихейские святилища в Сибири».

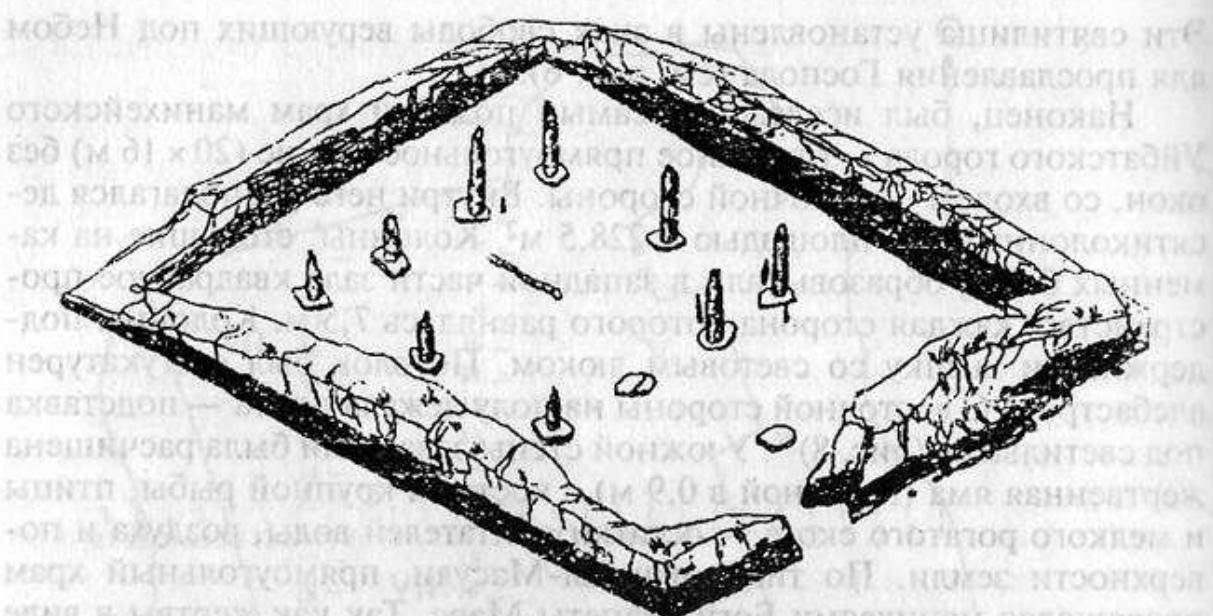

Рис. 8. Храм Марса. Аксонометрия. XI в.

оси Вселенной, были засыпаны землей, то, видимо, они составили откуп за землю хозяину Преисподней — самому Богу Зла. Храм во-инственному божеству планеты Марс был сооружен в XI в., когда появилась угроза нападения монголоязычных киданей и найманов. У южной стены этого храма также расчищено пристроенное к нему святилище Огня.

Таким образом, Уйбатский город являлся Священным центром северного манихейства. В нем экспедицией МГУ обнаружено шесть монументальных храмов различного назначения и пять святилищ стихий. Сколько же священников и служителей различных рангов было призвано за 500 лет совершать здесь литургии, вести астрологические наблюдения, переводить священные тексты и молитвы на тюркский язык и размножать их, используя местную руническую письменность? Заметим при этом, что основная, ныне распаханная, площадь города археологически еще не изучена.

Второй храмовый центр находился в 90 км к северо-западу от первого. В Батенёвском кряже, в верховьях р. Пююр-сух (Волчья река) — левого притока Уйбата — расположена котловина Сорга. Там в 1971 г. экспедицией МГУ был открыт и в течение двух сезонов исследован манихейский храм VIII—X вв. Прямоугольное здание ($37,5 \times 28,5$ м) со стенами из сырцового кирпича было воздвигнуто на массивной каменной платформе. Внутренняя площадь его составляла около 800 м². Потолок и стены были выбелены известью. Вдоль стен располагались галереи с колоннами. Основной подъезд с широкой дверью и пандусом обращен был на восток, навстречу богине утра Танг-тенгри. Второй малый подъезд, также с пандусом, вел внутрь с севера.

В Хакасии этот храм является пока самым ранним манихейским святилищем, посвященным Царю Света и богу войны Марсу³⁰. Вокруг храма располагался монастырский городок из деревянных служебных построек. Этот центр был сооружен, скорее всего, в середине 60-х годов VIII в., когда после смерти Элетмиш Бильге-кагана (759) и длительного китайского похода его преемника Эльтутмыш-кагана (принявшего манихейскую веру в 762 г.) уйгурский надзор за енисейскими тюрками совсем ослаб. Возможно, ажо Бильге-Тун отбросил свой вассальный титул “иркин” и объявил о суверенитете своего Древнехакасского государства. Чтобы прочнее утвердиться, он также объявил государственной религией уже давно проникшее на Енисей манихейство.

В обоснование этой державной политики и в предчувствии грядущих войн с Уйгурьей около 765 г. в котловине Сорга был воздвигнут монументальный храм Царю Света и богу войны Марсу. И в то же время в Уйбатском центре был сооружен древними хакасами мощный квадратный многоколонный храм Солнца, ознаменовавший собой утверждение государственного суверенитета народов Южной Сибири.

Открытие в долинах р. Уйбат и ее верхних притоков невиданного скопления манихейских храмов, святилищ и монастырей само по себе является выдающимся событием в науке. Но не менее важным открытием для истории мировых религий и истории архитектуры оказалось неожиданное разнообразие типов культовых зданий и сооружений. Изумляет впервые подтвержденная археологией точность сообщений арабских ученых (ал-Масуди, Шахристани и Димешки) относительно конструктивного разнообразия сакральных сооружений, которое строго определялось посвящением тому или иному астрально-космическому божеству, а также — божествам основных стихий.

Естественно, что представленные нами археологические данные о северном манихействе могут оказаться далеко не полными. Но уже сейчас они документально подтверждают, что создание в долине Среднего Енисея столь крупного Священного центра стало возможным лишь в результате объявления манихейского вероучения государственной религией Древнехакасского государства, его официальной идеологией. Это событие, безусловно, упрочило суверенитет страны.

Вспомним, что в середине VIII в. восточное манихейство переживало нелегкие времена. Претерпевшее нападки мусульманства, буддизма и христианства несторианского толка, не получившее свободы действий в Китае, оно, наконец, ощутило в 762 г. мощную поддержку уйгурского Бёю-кагана. Но в 779 г. вновь начались гонения — последовал антиманихейский переворот в Ордубалыке.

Китайские источники сообщают, что, как и в других странах, “Мони носят белые одежды и шапки. Пьют только воду”. Есть свидетельства и о том, что они “имели ночные собрания… рисовали злого духа, гордо восседающим, и Будду, омывающим ему ноги, и говорили, что учение Будды есть верховная колесница (толк), а учение Мани — верховнейшая”. Появилось даже новое обращение манихеев к своему пророку — Мани-бурхан. В 768 г. велено было в Китае «построить монастырь для уйгурских Мони под названием “Да юн гуан мин” — “Великий облачный свет”». Второй монастырь для них был построен в столице в 806 г. Тогда “Мони привезли свой закон — ежедневно питаться овощем, пить воду и купно кумыс”.

Когда в 847 г. часть уйгуров искала убежища в Китае, то “заслуженным” из них император приказал “выдать шляпы и пояса”. Но в то же время “правительственное учреждение собрало манихейские книги и священные изображения и сожгло их на дороге. Имущество было взято в казну”. В 817, 843 и 920 гг. манихейских монахов высыпали из Китая или даже предавали смерти по причине их “ злоупотреблений и возмущений”³¹. Как справедливо писал В.В. Бартольд, “манихеи как в христианском, так и в мусульманском мире только в исключительных случаях могли открыто исповедовать свою веру”, поэтому о культе восточных манихеев повествует только один из китайских текстов. Однако он раскрывает теснейшую связь “учения Света” с образованностью, поскольку эта вера “различает в манихейском монастыре пять зал: 1) зал для священных книг и картин; 2) зал для поста и объяснения; 3) зал для поклонения и покаяния; 4) зал для преподавания; 5) зал для больных монахов”³².

Новая эпоха, открывшаяся со времен уйгурских вторжений через Саяны на Средний Енисей в 758 и 790 гг. и особо явно проявившаяся с созданием мощного единого государства саяно-алтайских народов в 840 г., предоставила манихейству полную свободу действий. Это, очевидно, послужило основной причиной перемещения центра манихейской церкви далеко на север, в междуречье Енисея и Абакана. Новая вера, став государственной религией Древнехакасского феодального каганата, получила мощную официальную поддержку, а также возможность распространять свет своего учения на всю остальную Сибирь. Это привело к полному культурному перевороту в жизни южносибирского населения. Разгорелся очаг невиданной дотоле в Сибири западной культуры и образования, распространявший далеко на север разнообразные знания и широкую грамотность на литературном тюркском языке.

По данным В.В. Бартольда, архиパстыры манихеев (епископы, пресвитеры и др.) могли занять высокий церковный чин, только получив высшее образование. Углубленные занятия астрологией, астрономией, математикой, богословием и другими науками влекли за

собой зрелые философские размышления. Манихеи имели собственный календарь, вели исчисление текущего времени по эре Мани, начиная с года его рождения (216). Все это было принесено ими в Сибирь.

Как мы уже видели, среди манихеев имелись жрецы-архитекторы и строители³³. Были у них и высокие покровители из числа государственной элиты. Географ конца X в. Макдиси сообщает о двух способах, к которым прибегали учёные его времени для распространения своих трудов: они или устраивали “собрания для чтения лекций”, куда старались привлечь иностранцев, чтобы эти ученики потом разносили по миру славу своего учителя, или же посвящали свой труд какому-нибудь знатному лицу.

Четкая внутренняя иерархия, присущая манихейству, предусматривала пять рангов. Церковь возглавлялась “учителями”, или “апостолами”, которых было 12. Далее шли 72 епископа и 360 пресвитеров (иногда называвшихся “домоуправителями”). Большинство убежденных манихеев принадлежали к “святым”, или “избранным”, а к низшему рангу относили рядовых — “слушателей”. Можно полагать, что вновь обретенная провинция северного манихейства также возглавлялась важным апостолом, опиравшимся в свою очередь на некоторое число епископов и пресвитеров. Сколько же священников-праведников, бродящих миссионеров-вероучителей, пречистых монахов-лекарей, переписчиков священных книг по обету, учителей грамоты и писцов, аскетов-отшельников, послушников и церковных служек появилось на Саяно-Алтайском нагорье? К сожалению, библиотеки и книги, рукописи и записки погубило неумолимое Время.

В начертанном на камне тексте одной из древнекакасских эпитафий конца IX в. из Суджи исповедующий манихейство вельможа, судья Бойла (“сын кыргыза”), упоминает своего вероучителя, называя его по-сирийски “мар”³⁴. Именно так называли своих священников манихеи. Буддисты (позже ламаисты), как тюрки, так и (от них) монголы, заимствовали многие манихейские (ираноязычные) термины: “ном” — название священных книг, “супурган” — манихейские постройки, где выставлялись трупы, так как предавать тело земле было запрещено (монгольское “субурган”, индийское “ступа”), имена божеств, например индийского бога Индры (у манихеев оно произносилось как Ормузд (иранское), а у монголов — Хурмуста-тengri), и т.д.

От других мировых религий манихейство отличала редкая и чрезвычайно важная особенность — в любой стране его adeptы для распространения своего вероучения пользовались языком местного населения. В.В. Бартольд писал: «Манихеи применили к транскрипции звуков иранского и турецкого (т.е. тюркского. — Л.К.) языков свое письмо арамейского происхождения; по словам му-

сульманского автора, “люди Мавераннахра и Самарканда” писали этим письмом “книги веры” и называли его “письмом веры”... согдийские манихейские тексты относят ко времени не ранее VII в. ... в VIII в. уже существовала манихейская литература на китайском языке... манихейство сделалось господствующей религией в некоторых тюркских государствах, и еще в X в. тюркский хан-манихеец заступался перед Саманидами за своих самаркандских единоверцев³⁵. Для нашей темы особенно важно помнить, что из всех мировых религий, получивших распространение в Азии, по имеющимся данным, только манихейство применяло наравне с манихейским, сирийским, согдийским и порожденным им уйгурским письмом еще и руническую письменность тюрков³⁶. С первым приходом манихеев в середине VIII в. в Южную Сибирь связаны и три первых камнеписных памятника, найденных в Хакасии и Горном Алтае и запечатлевших государственную письменность Уйгурского каганата — младшее орхонское письмо. Надпись на используемом манихеями сирийском письме эстрагело обнаружена на одной из бронзовых монет, находившихся в обращении у древнекакасского населения³⁷. В то же время распространилась и вторая, доныне не дешифрованная, южноенисейская руническая письменность местных тюрков, близкая к западным (среднеазиатским) алфавитам евразиатского корня³⁸.

Итак, в Южной Сибири манихеи повсюду служили литургии и читали миссионерские проповеди на родном для аборигенов тюркском языке, используя тюркскую руническую письменность (прежде всего енисейскую), сочиняли духовные и философские трактаты, организовывали сеть монастырских школ для местных тюрков и таким образом способствовали распространению образования среди них. Это привело к появлению местной тюркской интеллигенции, тюрков-миссионеров и священников. То было время культурного и духовного возрождения восточных тюрков Срединной Азии и Сибири, а также приобщения их к духовным и культурным ценностям, выработанным городскими цивилизациями западноазиатского ареала исторической активности народов.

Манихеи впервые создали в Южной Сибири разветвленную сеть религиозных библиотек при храмах, монастырях, миссионерских пунктах и отшельнических пустошах. В них не только собирались новые произведения манихейской литературы, написанные по-туркски, но и восстанавливались и переписывались произведения прошлого (несомненно, канонизированные труды самого Мани и его старших учеников), созданные на других языках (прежде всего на среднеперсидских) и при помощи манихейской письменности. Переписка священных и научных книг почиталась за благой подвиг.

Значение манихейских библиотек наиболее ощутимо при изучении их остатков, обнаруженных в Восточном Туркестане и Дунхуане. Пользование такими библиотеками и усвоение книжных знаний привело к появлению в енисейских рунических надписях Южной Сибири заимствованной лексики: сирийской (*мар* “вероучитель”), иранской и согдийской (*баг* “удел”, *азун* “земная жизнь”, *абад* “благоустроенность”, *аз* “алчность”), санскритской (*барм* “совершенный”, *асур* “асурий, злой дух”, *арзы* “святой, отшельник”) и даже арабской (*эмин* “надежный”). В собственные мужские имена аристократов наравне с традиционными вошли и такие слова, как *йюкюнч* “совершение молитвы” (Оттук-Даш II, Е 64), *йевиг* “качества бодисаттвы, необходимые для просветления” (Адыр-Кая)³⁹.

Образование, полученное в манихейских школах, проявилось в обнаруженному недавно использовании особой полногласной рунической орфографии (восходящей к среднеперсидскому правописанию VIII—IX вв. и самому принципу манихейского письма, полностью обозначавшему гласные). Такое правописание стало особо характерным для поздних рунических текстов XIII—XV вв. Этим обозначился второй этап развития енисейского рунического письма⁴⁰. Под влиянием каких-то западноазиатских письменностей и языков появилось, весьма вероятно, и другое отклонение от собственно рунического правописания — так называемая псевдоруническая орфография⁴¹.

Отразилось в енисейских памятниках и манихейское мировоззрение. Так, в тексте стелы из Эль-Бажи в Туве (Е 68/1, строка 16) рядом с обычными восхвалениями умершего витязя уже употребляется и манихейская формула покаяния: “...я следовал ошибкам точно ценностям”. То же отмечается в тексте горноалтайской стелы Бар-Бургазы I, где с не свойственной прежде эпитафиям укоризной сказано, что героя “греховная алчность разлучила” с близкими⁴².

Массовое распространение грамотности, наличие собственной рунической енисейской письменности на литературном языке того времени ярко выразились в появлении в VIII—Х вв. огромного количества манихейских наскальных надписей самого разнообразного характера по всему Саяно-Алтайскому нагорью и Центральной Азии (Хакасия, Алтай, Тува, территория современной Монголии). Особенно много наскальных отметок остались молившиеся на природе. Многие из текстов представляют собой монотеистические обращения к Богу в самоуничижительной манере (раб божий, недостойный раб, презреннейший, греховный и т.п.).

Как известно, согласно манихейскому вероучению, человеческое тело сотворено Богом Зла и лишь душа создана Богом Добра. И вот на скале Крес-хая читаем молитвенную запись (Е 137): “Вложите совершенную душу (букв.: нутро)”. Строки Хая-Бажи V и III (Е 24)

вполне по-манихейски превозносят деяния, направленные на благоустройство земель; на Городовой стене (Е 144) вырезан текст, в котором утверждается, что “благое преумножается путем уничтожения греховного”, и т.п.⁴³

В Южной Сибири сохранились и памятники изобразительного искусства манихеев. Так, в Горном Алтае, на скале Ялбак-Таш, стоящей на древнем тракте, некий путник-манихей выгравировал изображение сатаны. Подобные изображения Бога Зла известны ныне во многих районах пребывания верующих манихеев — от Южной Сибири до Семиречья (Таласское Алатау)⁴⁴.

Другой важной особенностью манихейства как “всеобъемлющей универсальной религии” было то, что в отличие от христианства и буддизма оно “свободно и очень широко включало в свою систему многие образы и представления из местных языческих верований и культов”⁴⁵, в том числе из раннего тюркского шаманизма. Северное манихейство, воврав в себя языческие верования сибирских аборигенов, не уничтожило заложенного в них мощного духовного потенциала, связанного с древним культом родной природы.

Поэтому наряду с вероучителями-марами в письменных манихейских документах и в китайских хрониках этой поры упоминаются камы — тюркоязычное наименование не только языческих прорицателей и ясновидящих-шаманов, продолжавших практику оказания психосоматического лечебного воздействия на больных⁴⁶, но и собственно манихейских священников, служивших в храмах (например, *кам мар*)⁴⁷. В арабо-персидских источниках под манихейским влиянием их стали называть по-персидски *фагинунами* — очевидно, “прорицателями божьей милостью” (ср. иранское *фаг* или *баг* — бог; согдийское *вагннат* — жрец; парфянское *багнапат* — жрец)⁴⁸.

Сибирское манихейство есть прямое порождение манихейства центральноазиатского. Но если последнее было “...облачено в буддийские одеяния”, то на сибирское манихейство оказался накинут еще и шаманский костюм. Древние саяно-алтайские тюрки и их соседи после VIII—IX вв. не “остались обычными шаманистами”, как считают до сих пор многие ученые. Приняв “всеобщую универсальную религию” Мани в качестве государственной, они стали сибирскими манихеями, ибо здесь на севере среднеазиатское манихейство, подчиняясь своей природе синкретического развития и приспособления, впитало в себя и местные южносибирские шаманистские культуры, видоизменив их. Это привело к гармоничному соединению двух религиозных систем. В иерархии сибирских манихеев видоизмененные камы заняли соответствующее им место, поэтому и имя божества в тюркоязычных священных текстах осталось языческим — Тенгри.

Так как древнекахасский “Хыргыз-каган” выполнял волю Неба, то небесными патронами Древнекахасского государства стали манихейские божества. Закономерно, что впоследствии тюркское Тенгри было у хакасов и алтайцев заменено иранским словом *Худай* (*Кудай*) — Господь (от персидского *Худа/Худо* — бог, принесенного с собою манихеями). Благодаря общению с манихеями в VIII—XII вв. лексика народов Саяно-Алтая обогатилась некоторой долей иранизмов и арабизмов.

Но главное заключалось в бурном развитии сибирской письменной культуры, в широком распространении памятников енисейской письменности, ставшей государственной. В VIII—X вв. резко возросло количество стел с руническими эпитафиями, сохранившими тексты собственной тюркоязычной эпитафийной лирики, которые исполнены еще в древней национальной традиции, но, как мы видели, уже отражают наступление новой веры. По-видимому, победа манихейского мировоззрения и покончила с традицией енисейских памятных надписей на стелах. Особую сферу манихейской эпиграфики, также одновременно и продолжавшей, и по-своему изменившей старинную южносибирскую культовую практику, составляют наскальные молитвенные надписи.

Южносибирское манихейство свободно развивалось до монгольского нашествия и, очевидно, некоторое время после него, способствуя политическому, идеологическому, культурному и языковому объединению многочисленного и разнородного населения Саяно-Алтайского нагорья. Судя по отдельным памятникам енисейской письменности, оно явилось знаменем общей борьбы народов за восстановление местной государственности еще в конце XIII — начале XV в.⁴⁹ Период расцвета Древнекахасского каганата — огромной единой южносибирской в своей основе державы — в IX—XIII вв. и позже неразрывно связан с манихейской идеологией и культурой.

Если взглянуть шире на некоторые историко-культурные процессы, протекавшие на территории Евразии в раннем средневековье, то можно сопоставить два события: в 762—763 гг. государь центральноазиатских уйгуров победоносный Бёгю-каган принял манихейство и сделал его государственной религией каганата; в 862—863 гг. христианские миссионеры Константин (Кирилл) и Мефодий создали славянскую письменность и отправились в Великую Моравию распространять на славянском языке свою религию. Оба этих события сближаются благодаря сходным историко-культурным предпосылкам и последствиям. К восточным и сибирским тюркам, так же как и к славянам, монотеистические религии пришли на их родных языках с помощью собственных письменностей. В обоих случаях переход от язычества к мировым религиям сопровождался культурным “взрывом”, вызвавшим в названных странах распространение массовой

грамотности и образованности, а также зарождение и развитие книжного дела.

Отмечая, что IX в. — это “время подъема и оживления всей Восточной Европы, когда началось стремление славянства к организации и просвещению”, Н.П. Кондаков приводит важное свидетельство из знаменитых Паннонских житий просветителей Константина (Кирилла) и Мефодия. В XVI главе жития Константина повествуется, как во время его возвращения в Рим в Венеции “...собрались на него епископы и попы и черноризцы, как вороны на сокола”, и, обвиняя в создании славянского письма, “воздвигли триязычную ересь”, утверждая, что священные книги достойны быть написаны только на трех языках: еврейском, греческом и латинском. Ответ философа вразумил обвинителей: “Дождь идет от Бога на всех равно... Мы знаем много народов книжных и Богу славу воздающих, каждый на своем языке. Яв же суть си: арьмени, перьси, абазьги, авери, соугди, готьфи, обри, тоурьси, козари, аравляне, егхпьти, и соури и ини мнози”⁵⁰.

Очевидно, что создатели славянской письменности, как и многие современные им просвещенные жители Европы, в IX в. относили к числу “книжных” народов, имеющих свою письменность, не только арабов, персов и согдийцев, но и тюрков, тюркоязычных хазар и аваров (“обров”). Тюркские народы, следовательно, тогда признавались давно оставившими темноту языческого политеизма и вступившими в мир “народов книжных”, будучи просвещенными светом благочестивого единобожия.

Наибольший вклад в цивилизацию человечества вносит тот, кто твердо убежден, что все народы равноправны в своем стремлении к просвещению и культуре. Вместе с тем ответ Константина ярко выяснил особую роль, глубину и широту письменной культуры, которую тюркоязычные народы Евразии обрели задолго до IX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бойс М. Зороастрейцы. Верования и обычай. — СПб., 1994. — С. 131; Луконин В.Г. Культура сасанидского Ирана. — М., 1969. — С. 74; Смагина Е.Б. Манихейство // Религии Древнего Востока — М., 1995.

² Абурайхан Бируни. Избранные произведения. — Ташкент, 1957. — Т. I. — С. 213.

³ Смагина Е.Б. Указ. соч.; Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века. — М., 1984. — С. 76—78; Материалы по истории киргизов и Киргизии. — М., 1973. — Вып. I. — С. 65.

⁴ Топоров В.Н. Об иранском влиянии в мифологии народов Сибири и Центральной Азии // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. — М., 1981; Кызласов Л.Р. Письменные известия о древних городах Сибири. — М., 1992. — С. 99; Данилин А.Г. Бурханизм. — Горно-Алтайск, 1993.

⁵ Кызласов Л.Р. История Южной Сибири... — С. 46—52; Он же. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. — Красноярск, 1992. — С. 83—88.

⁶ Сведения Тамима ибн Бахра (VIII—IX вв.) (Материалы по истории Средней и Центральной Азии X—XIX вв. — Ташкент, 1988).

- ⁷ Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. — М.; Л., 1959. — С. 40—43.
- ⁸ Черников С.С. Памятники культуры ойрат-калмыков // Зап. Калм. НИИЯЛИ. — Элиста, 1960. — Вып. 1. — С. 130—132, рис. 4 (определение городища наше. — Л.К.).
- ⁹ Малявкин А.Г. Материалы по истории уйголов в IX—XII вв. // История и культура Востока Азии. — Новосибирск, 1974. — Т. II. — С. 65, 145—146.
- ¹⁰ Кызласов Л.Р. Культура древних уйгур (VIII—IX вв.) // Степи Евразии в эпоху средневековья. — М., 1981. — С. 52—54, рис. 30—32.
- ¹¹ Материалы по истории Средней и Центральной Азии... — С. 77—78. Поездка Тамима состоялась после 762—763 гг., когда центральноазиатские уйгуры объявили манихейство государственной религией, и до 779 г., когда в Ордубалыке произошел антиманихейский переворот. О городах, деревнях и земледелии уйголов во время их обитания в “Монголии” см.: Абуль-Гази. Родословное древо тюрков. — Казань, 1906. — С. 36.
- ¹² Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. — Баку, 1986. — С. 130.
- ¹³ Maenchen-Helfen O. Manichaeans in Siberia // Semitic and Oriental Studies. — Berkeley; Los Angeles, 1951. — P. 324. (За манихейских автором ошибочно приняты писаницы более ранней таштыкской эпохи.)
- ¹⁴ В течение 1972—1981 гг. оба священных объекта были исследованы Хакасской археологической экспедицией, работавшей под руководством автора (см.: Кызласов Л.Р. Раскопки средневекового здания в Хакасии // АО 1973 года. — М., 1974; Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л. Завершение раскопок монументальных зданий Уйбатского города // АО 1981 года. — М., 1983).
- ¹⁵ Chavannes Ed., Pelliot P. Un traité manichéen retrouvé en Chine // J. Asiatique. II Sér. — T. I, N 1 et N 2. — Paris, 1913.
- ¹⁶ Hansen Olaf. Zur sogdischen Inschrift auf dem dreisprachigen Denkmal von Karabalgasun // J. de la Societe Finno-ougrienne. — Helsingfors, 1930. — XLIV, 3; Васильев В.П. Китайские надписи на орхонских памятниках в Кошо-Цайдаме и Карабалгасуне // Сб. тр. Орхонской экспедиции. — СПб., 1897. — Вып. III. — С. 25.
- ¹⁷ Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. — М.; Л., 1950. — Т. I. — С. 355.
- ¹⁸ Материалы по истории киргизов... — Вып. 1. — С. 41.
- ¹⁹ Maenchen-Helfen O. Manichaeans in Siberia... — P. 320 (прим. 40); см.: Кызласов Л.Р. Новая оценка жизнестойкости Древнехакасского государства // Кызласов Л.Р. Земля Сибирская. — Абакан; Москва, 1994. — С. 35—38; Он же. История Тувы в средние века. — М., 1969. — С. 90.
- ²⁰ Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам. — Алма-Ата, 1972. — С. 111; Он же. Расселение карлуков по карте ал-Идриси (XII в.) // Казахстан в эпоху феодализма. — Алма-Ата, 1981. — С. 17—18.
- ²¹ Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л. Исследования в дельте Уйбата // АО 1976 года. — М., 1977. — С. 214 (план); Они же. Архитектурные сооружения и курганы средневековых хакасов // АО 1974 года. — М., 1975. — С. 215 (план).
- ²² Chavannes Ed., Pelliot P. Un traité manichéen... — P. 191.
- ²³ Согдийские документы с горы Муг. — М., 1962. — Вып. 1. — С. 46; ср.: Беленицкий А.М. Монументальное искусство Пенджикента. Живопись, скульптура. — М., 1973.
- ²⁴ Беленицкий А.М. Вопросы идеологии и культов Согда по материалам Пянджикентских храмов // Живопись древнего Пянджикента. — М., 1954. — С. 65.
- ²⁵ Булатов М.С. Геометрическая гармонизация в архитектуре Средней Азии IX—XV вв. — М., 1988. — С. 16—17.
- ²⁶ Бартольд В.В. Сочинения. — М., 1963. — Т. II, ч. I. — С. 216.

27 Таким же образом сложены стены внутренней квадратной цитадели уйгурского Шагонарского городища в Туве (*Кызласов Л.Р. Древняя Тува.* — М., 1979. — С. 146, 150, рис. 105, разрез).

28 Ср.: *По Великому шелковому пути.* — Алма-Ата, 1991. — С. 158—159 (храм Огня того же плана VII—IX вв.).

29 *Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л. Архитектурные сооружения и курганы...* — С. 215 (план).

30 Подробнее см.: *Кызласов Л.Р. Средневековый манихейский храм в котловине Сорга (Республика Хакасия)* // РА. — 1999. — № 2.

31 *Палладий. Стартинные следы христианства в Китае, по китайским источникам* // Восточный сборник. — СПб., 1877. — Т. I. — С. 12, 50—53; *Бичурин Н.Я. Указ. соч.* — С. 331, 337; *Маявкин А.Г. Указ. соч.* — С. 31, 46, 51, 54, 55, 57, 61, 193.

32 *Бартольд В.В. Указ. соч.* — С. 218—231.

33 На Ближнем Востоке с древности только жрецы проектировали Дома Богов и другие сакральные сооружения.

34 *Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков.* — М.; Л., 1952. — С. 84.

35 *Бартольд В.В. Указ. соч.* — С. 219.

36 *Древнетюркский словарь.* — Л., 1969. — С. XIV—XXXIII, XXXV, XXXVII.

37 *Кызласов Л.Р. Памятники орхонского письма из Хакасии и Горного Алтая* // Вестн. МГУ. Сер. 8, История. — 1997. — № 1; *Кызласов И.Л. Монеты с тюркоязычными енисейскими надписями* // Нумизматика и эпиграфика. — М., 1984. — Т. XIV. — С. 94—95, рис. 3.

38 *Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей.* — М., 1994. — С. 42—73, 174—180, 217—220, 289—318.

39 В эту выборку включены примеры из еще не опубликованных работ И.Л. Кызласова.

40 *Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л. Новый этап развития енисейской письменности (конец XIII — начало XV в.)* // РА. — 1994. — № 1; см.: *Насилов Д.М. К характеристике языковой ситуации в уйгурском государстве в IX—XIII вв.* Вестн. Шелкового пути. Вопр. тюркской филологии. — М., 1993. — Вып. II; *Фридрих И. История письма.* — М., 1979. — С. 166.

41 *Кызласов И.Л. Стелы с руническими надписями на Алтае. К выделению местных групп енисейских эпитафий* // Вопр. тюркской филологии. — М., 1997. — Вып. III; *Он же. Три типа древнетюркской рунической орфографии* // 90 лет Н.А. Баскакову. Н.А. Баскакову от его коллег и учеников. — М., 1996.

42 *Кызласов И.Л. Материалы к ранней истории тюрков. III. Древнейшие свидетельства о письменности* // РА. — 1998. — № 2. — С. 71—72, рис. 4; *Он же. Стелы с руническими надписями...* — С. 47, 48, 51—54.

43 *Кызласов И.Л. Рунические письменности...* — С. 189—194.

44 *Кубарев В.Д. Сенмурв из Калбак-Таша* // Наскальные рисунки Евразии. — Новосибирск, 1992; *Самашев З. Граффити средневековыхnomadov* // Вопр. археологии Западного Казахстана. — 1996. — Вып. 1. — Рис. 5 (Авторы статей манихейского сатана не узнали. Ср. его описание в источниках: *Беленицкий А.М. Вопросы идеологии и культов...* — С. 70; *Смагина Е.Б. Истоки и формирование представлений о царе демонов в манихейской религии* // Вестн. древней истории. — 1993. — № 1).

45 *Якубовский А.Ю. Вопросы изучения Пянджикентской живописи* // Живопись древнего Пянджикента. — М., 1954. — С. 21.

46 Ср. применение санскритского книжного термина на зеркале, использовавшемся, весьма вероятно, для шаманистского обряда: *Кызласов И.Л. Новые материалы по енисейской рунической письменности* // Сов. тюркология. — 1981. — № 4. — С. 93—95.

⁴⁷ Древнетюркский словарь. — С. 545 (*taŋfiligdäki*); Бичурин Н.Я. Указ. соч. — С. 353.

⁴⁸ Бойс М. Указ. соч. — С. 127; Бартольд В.В. Указ. соч. — С. 125; Там же. — Т. VIII. — С. 48; Ср.: Согдийские документы с горы Муг. — М., 1962. — Вып. 2. — С. 113, 197.

⁴⁹ Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л. Новый этап развития енисейской письменности (конец XIII—начало XV в.) // РА. — 1994. — № 1.

⁵⁰ Кондаков Н.П. О манихействе и богумилах // Seminarium Kondakovianum. — Prague, 1927. — Vol. 1. — P. 299; ср.: Сказания о начале славянской письменности. — М., 1981. — С. 88—89.